

Натаалья Никишина

Принцесса Шиповник

Снег, первый и слишком ранний, выпал утром. Коснулся души детским ощущением праздника. Но к концу дня растаял. Лужицы пахли чистой талой водой, а еще сильнее был запах опавших недавно листьев. Она пошла пешком через чужие дворы, по мостику над каналом. Вода внизу была темная, почти черная. Постояла, посмотрела. Одиночество накатывало вместе с сумерками. Еще один день прошел. Пока она шла пешком, день, проведенный в офисе в скучной суете деловых бумаг и звонков отступил, смягчился... И даже неизбежная пробежка рысцой сквозь толпу в подземном переходе, с усталыми торговками, бомжами, нищими, сквозь запах колбасы, чужой грязи, сладкий и тленный запах лилий с цветочного лотка, сквозь ругань, говор, насадный ор музыки — даже это ежедневное вынужденное прикосновение к такой унылой, реальной жизни почти ушло, рассеялось. Нужно было идти домой. Окна ее квартиры светились оранжево, уютно. Маленькая крепость среди других таких же спрятанных в кирпич и бетон крепостей.

Стася открыла книгу. И ощутила окончательное умиротворение. Все встало на свои места. Здесь, в реальном мире, еще продолжала зудеть на кухне мама, телевизор молот что-то то ли про выборы, то ли про экономическую ситуацию в стра-

не... А в книге, в которую она бросилась, словно в воду, гномы, эльфы и драконы окружали ее, плелись дворцовые интриги, свершалась волшебная месть и любовь подступала к героине великим дышащим морем. Стаська улеглась поудобнее, устроила подушку под щеку и машинально взяла со столика конфету. Сейчас произойдет что-то особенно интересное: недаром Деве снился странный сон. И в этот совершенно неподходящий момент в ее комнату вошла мама:

— Станислава! Закрой свои дурацкие сказки и выслушай меня! — Голос у мамы был раскаленный. Видимо, она накачала себя еще до того, как дочь пришла с работы, и теперь не отцепится ни за что.

— Я слушаю. — Стася обреченно закрыла том в яркой обложке и уселась на диван, поджав ноги.

Мама выбрала позицию следователя и уселась напротив.

— Стася, дочь! — торжественно начала Виктория Ивановна. — Посмотри на свою жизнь!

Стася поняла, что сейчас полетится знакомая до боли песнь про ее неправильную жизнь, и отключила слух, сохраняя при этом заинтересованное выражение лица. Все, что скажет мама, Стася знала наизусть. И вместо того чтобы слушать маму, она задумалась о том, почему бы Сапковскому не продолжить бесконечное повествование о Ведьмаке Геральте и маленькой Цири. Обидно как-то остаться без них. Хорошо, что она нашла среди космических опер и приключений звездных наемников роман какого-то Чередины про славные дни могучего государства на краю Вселенной и прекрасную Деву — победительницу темных теней.

— Это полный паралич воли! — донеслось до нее, словно сквозь вату. Стася очнулась и прислушалась. — Ты живешь, как во сне, твое увлечение этим идиотизмом, которое ты именуешь книгами, выглядит просто нелепо. Ведь тебе тридцать лет, Стася!

Вот именно — тридцать. И она заслужила, чтобы в ее жизнь не вмешивались. В конце концов, именно она кормит их семью. Семья состояла из бабушки — Татьяны Васильевны, мамы — Виктории Ивановны и самой Стаси.

Дед оставил бабушку, уехав по комсомольской путевке строить что-то очень важное для всей страны. Там, в этом замечательном месте — то ли в Сибири, то ли на Дальнем Востоке — нашлась другая женщина, и бабушка с уже родившейся мамой Стаси осталась без мужа. Потом мама выросла, и ее в свою очередь оставил Стасин отец, уехавший за длинным рублем в Якутию. Такая уж была в их семье традиция. И даже Стася успела, согласно этой традиции, постоять на вокзале, глотая слезы, поскольку ее первый возлюбленный, а точнее жених, тоже уехал. Но в прямо противоположном направлении. То есть на Запад.

Женщины Стасиной семьи составляли почти идиллическое трио. Бабушка рыдала, как виолончель. Мама визжала, как скрипка. А Стасе оставались паузы. Вот и сейчас Станислава молчала. Зато подключилась возникшая на пороге комнаты бабушка:

— Стасенька, послушай меня: молодость проходит. Нужно же как-то шевелиться, общаться с кем-нибудь... Таня вон уже развелась два раза! Машка вообще в Израиле, даже Вадечка, убогий, господи прости, и то женился... Знакомые знакомых — театр теней закружился вокруг хороводом... Никогда не виденные ею дети бабушкиных подруг и их внуки, все замужние и женатые, с розовыми умильными детками, вызванные оттуда, из неведомых пространств, бабушкиным заклинанием, требова-

ли чего-то и тянули к ней ручонки. «Пошли вон!» — мысленно прикрикнула на них Стася. И лениво защитилась:

— А мои подруги все не замужем. Сейчас рано замуж никто не выходит. А рожать можно и в сорок. Вон Мадонна...

— Мадонна! — в унисон заголосили мама и бабушка. — Да ей можно хоть в шестьдесят рожать! А твои девки — дуры. Вы так и будете, как три тополя на Плющихе до старости шуршать.

Подруги у Стаси были очень разные. Одна из них звалась Марина и была не лыком шита. С непринужденностью собачки, задирающей ножку возле столба, она вела некое ток-шоу на кабельном телевидении. Вторая — Алена — напротив, с голубиной кротостью руководила какими-то курсами усовершенствования личной жизни с помощью энергии Вселенского разума. Дружили они со школы. И почему-то до сих пор все трое оставались одинокими. Возможно, это одиночество и крепило их дружбу. Алена со Стасей допытывали бойкую Маринку:

— Ну, ладно мы — одни ж бабы вокруг! А ты? Телевидение! Это ж мужиков сколько!

— Да какие мужики... — вздыхала Маринка и прищуривала густо накрашенные глазки, — то гей, то оператор с тремя детьми...

— Ну а эти, кто на передаче у тебя?

Марине не хотелось объяснять подругам, что телеканал захудалый, звезды в передаче у нее — редкость. Так, местные «звездишки». А люди, которые приходят на программу, волнуются, потеют и совсем не расположены в этот важный для себя момент затевать интрижку с ведущей.

Так они и собирались на посиделки и девичники, обсуждали иногда какого-нибудь кандидата в мужа, рассказывали домашние и служебные новости, тихонько скучали... И сейчас, вспомнив эти пресные сборища, Станислава пожалела и себя и девчонок.

А мама с бабушкой между тем все продолжали внушать, требовать и грозить грядущим одиночеством. Но, поскольку Стася молчала, постепенно перешли к перепалке друг с другом.

— Порядочные матери сами дочерей замуж выдают. А ты, Вика только своей жизнью занята! — низко гудела бабушка.

— Да, а по-твоему, в пятьдесят я должна поставить на себе крест?! Ты всегда хотела привязать меня к своей юбке. А я еще вполне живая! Я тоже хочу устроить свою судьбу! — высоким нежным рыданием отвечала мама.

— Устраивай, устраивай, — ехидно завела бабуля на народный мотив, — с Обмылковым своим устроишь... Он тебе организует враз судьбу, такую устроит, что обрыдаешься еще! — Мама! Он не Обмылков, он Огарков! А тебе все были нехороши! всю жизнь. Ты помнишь, как тебе Толик не нравился? А он теперь замминистра!

— Вот потому и бардак в стране, что твой Толик замминистра! Что еще будет, когда он министром станет...

И в этот момент в дверь позвонили и явился сам Обмылков, то есть Огарков. Мама отправилась на кухню, побыстрее кормить любимого. Огарков, ее бывший сослуживец, являлся обычно к ужину, а в выходные к обеду. Честь по чести приносил с собой пакетик чая «Липтон» и три пирожных. А иногда мама Вика уходила к нему, в его холостяцкую квартиру, и два дня наводила там порядок: мыла окна, вычищала кухню. Возвращалась домой сияющая, с планами грандиозного переезда. Но потом все как-то рассасывалось: Огаркова явно устраивало существующее положение вещей.